

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

„Обманите меня еще“ Анатолий Васильевич. 1-й
Эпизод и сцена. — 1998 — апр. — май (№8) — с. 9.

Александр Ширвиндт:

Меня часто спрашивали, и я знаю — не только меня: “Как вы могли уйти от Эфроса?” Это вообще тема отдельная и очень серьезная. Я действительно ушел из театра на М.Бронной, проработав там три сезона, в театр Сатиры, и сразу начались разговоры: “он предал, он не понимает, он влюбился в другого и так далее”. В какой-то степени в театральной среде такие разговоры естественны. Но они очень субъективны и лишь поверхностно отражают существо взаимоотношений большого художника, мощного режиссера с актерами. Это сложнейшая проблема. Недаром во всем мире практикуется приглашение актера на роль, на один спектакль. И у нас начали использовать эту практику, и Эфрос, кстати, был первым. Эфрос при его темпераменте и влюбчивости в актеров занимался режиссурой круглые сутки. Он никогда не отключался. Я говорю это совершенно ответственно, так как знал его очень близко. Даже во время застолья он, человек непьющий, думал только о работе. В процессе работы он всегда влюблялся в актера или в актрису и только потом — в мужчину или в женщину. При такой плотности взаимоотношений с материалом — актер именно материал, как глина для скульптора, — даже если этот материал самого высокого качества, он рано или поздно начинает надоедать и даже раздражать. Это идет не от ума, это физиологическое свойство — ничего уж тут не поделаешь. Хочется другой кусок глины. Пусть хуже, но другой, новый.

Я думаю, что все трагические разрывы Эфроса с актерами из-за этого. Это было главным и по сути — неразрешимым, все остальное — просто мелочи бытовых взаимоотношений. Когда я читаю противоположные мнения об Анатолии Васильевиче, о том, как он предавал актеров, или наоборот — никогда не предавал, а предавали именно они, я думаю, что истина тут посередине. Для каждого конкретного материала ему нужен был соответствующий “кусочек глины”. Часто — новый. Это бывало обидно, но — понятно.

Что касается начала нашей совместной театральной жизни... Сейчас наш ленкомовский период вспоминается как абсолютно счастливый. Потому что Эфрос был молодой, сильный и долгое время не замечал никаких подводных течений. Он никогда ни на что подобное не отвлекался. И нам верилось — возникает Театр. Было только творчество. Были знаменитые по левизне и труднопроходимости спектакли. Был дух борьбы и опасности. И это давало нам, как ни странно, творческие импульсы.

“В день свадьбы” — первый ленкомовский спектакль Эфроса, мощно заложенный им фундамент, где потрясающе играли А. Дмитриева и Вл. Соловьев —

актер достоверный до ужаса (не знаю, как определить точнее). В то время стремление труппы к новому театру было очень велико. Вот пример. В финале спектакля была свадьба. И на сцену выходила вся труппа, включая народных артистов. Выходили без слов, в чистой массовке. Я не очень похож на деревенского парня, но тоже выходил вместе с моим другом Державиным. Мы тогда были молодые и очень хотели выделиться. Эфрос хорошо меня знал и всегда говорил: “Шура, я тебя прошу, без шуток. Это серьезная пьеса, без шуток!” Я помню премьеру. В зале вся московская художественная элита. И мы выходим на финал. На сцене огромные столы, заваленные бутафорской едой — пластмассовые окорока, полиэтиленовые яблоки и так далее. Была середина зимы, и мы с Державиным днем заехали на Центральный рынок и купили два огромных живых огурца за бешеные деньги. И в конце спектакля мы вышли на авансцену и на глазах у ошеломленных актеров, Эфроса и всей театральной общественности с хрустом откусили огурцы. И по все-

му залу разнесся одуряющий запах свежего огурца. Был дикий скандал — ведь мы практически сорвали сцену. Но речь вообще не об этом, а о том, что все мы даже в массовке играли с удовольствием. Это был показатель отношения к Эфросу актеров в этот период.

Вера Глаголева:

Начну с моей юности. Я не имела никакого отношения к театру, но очень его любила. И ходила только на Таганку и к Эфросу. В Москве ведь так и говорили: “Пойдем к Эфросу”.

И однажды, в то время, когда я уже снималась в кино, мне вдруг позвонили в Сочи, где я была в экспедиции, и сказали, что Анатолий Васильевич Эфрос хочет пригласить меня на картину. Я, конечно, очень обрадовалась. Кроме его спектаклей, я знала и любила книгу “Репетиция — любовь моя” и всегда завидовала актерам, работающим с Эфросом.

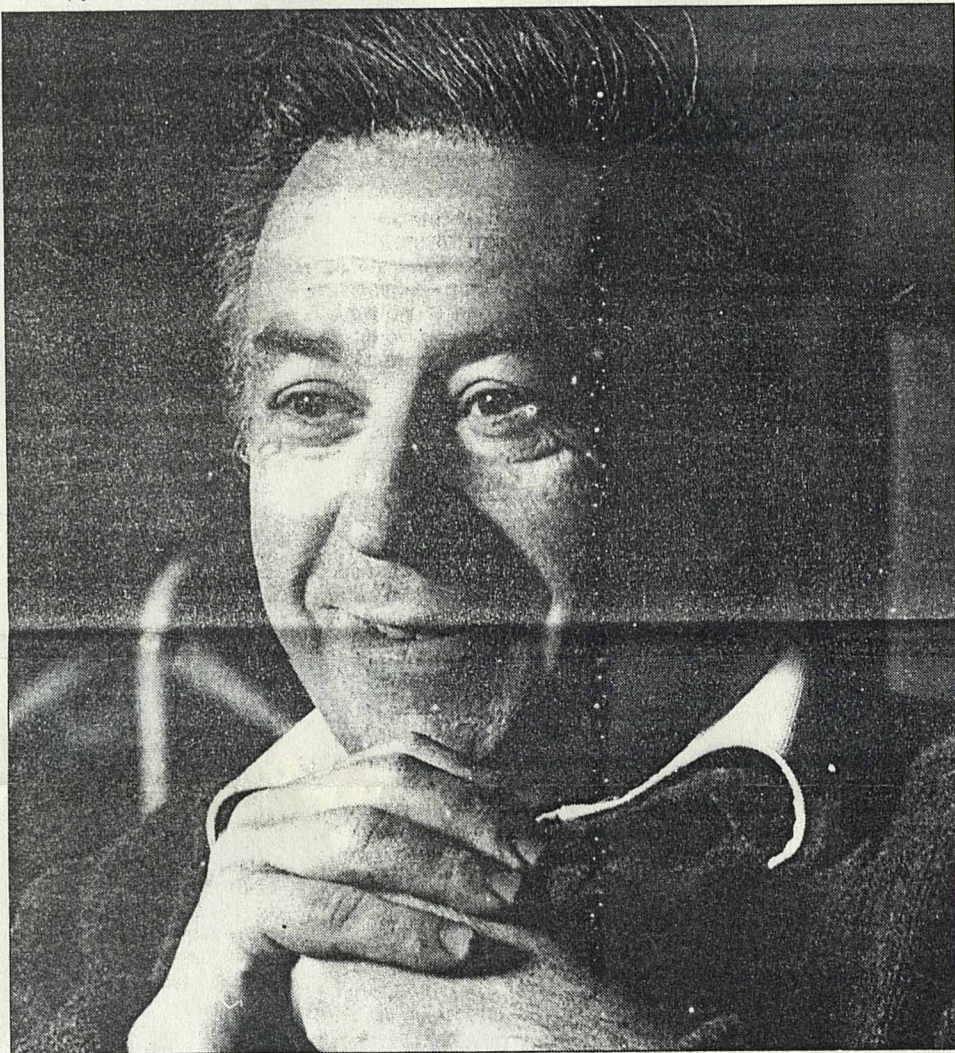
Я приехала в Москву. Пришла в студию. У меня уже был некоторый съемочный опыт и я знала, как обычно прохо-

дят пробы. Но то, что я увидела тогда, меня просто поразило. Такого я не наблюдала ни до, ни после и уже, наверное, никогда не увижу. Это мог себе позволить только Анатолий Васильевич. Сейчас я понимаю, что ничего особенного не происходило. Но в тот момент мне казалось, что совершается что-то ужасное! Почему? А потому, что Эфрос собрал вместе, в один в день всех предполагаемых исполнительниц роли Вари в фильме “В четверг и больше никогда”. В кино это принято считать неэтичным — стараются, чтобы артисты не встречались друг с другом.

Я села рядом с целой группой девушек, всем нам дали почитать сценарий. А.В. даже и не говорил со мной до этого — ни о роли, ни о фильме. В общем, ситуация забавная. Через некоторое время нам сказали: “Прочитали? Давайте начнем”. Пробы снимались на монитор. Тогда это было редкостью. Мы в коридоре перед комнатой монитора. Нас уже человек пятнадцать. И тут начали подходить новые. Это было потрясающее зрелище! Объявляют: “Студентки МХАТа”. Мимо нас идут человек десять студенток. “Студентки ВГИКа”. И так далее. Словом, идут целые партии. При этом, удивила свобода и даже естественность атмосферы. В наш тесный коридор вышел А.В., улыбаясь, как только он один умел, — чуть грустно и опустив глаза, и при этом, поразительно обаятельно. Он сказал: “Поймите, вас много, а роль одна. И я не делаю из этого тайны”.

Первой пробовалась Лена Цыплакова. Ей дали кусочек из сценария. А мне, когда я вошла и села, Эфрос предложил: “Ну, Вера, давайте-ка что-нибудь эдакое, импровизацию!” В душу закралось подозрение: “почему он не дает мне отрывок из текста? Не к добру”. Эфрос обратился к ассистенту: “Ну-ка, отнимай у нее часы, будто ты бандит!” И дальше пошло в том же роде — на первый взгляд, полная ерунда, не имеющая отношения к фильму. “Черт возьми, — думала я. — Ведь некоторых он пробует по-настоящему, дает читать монологи из текста” (об этом я могла судить, поскольку А.В. разрешал всем желающим просматривать на мониторе только что отснятый материал).

Сейчас я понимаю, что способ пробы, предложенный Эфросом, был замечательным. Ты мог живо и свободно показать “твое”, индивидуальное, не стремясь отыграть дежурный кусок текста, помня об очереди в тридцать человек за спиной. А тогда я расстроено посмотрела съемку — свою и других — и ушла. Через какое-то время пришла телеграмма, где было сказано, что меня утвердили на роль. Я до сих пор не знаю, почему меня? Думаю, это просто везение.

Ширвиндт Александр

03.98